

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ: К ВОПРОСАМ ПЕРЕВОДА И
ТЕРМИНОГРАФИЧЕСКОЙ КОДИФИКАЦИИ**

Хасанов Илёсбек Иброхимжонович

Руководитель отдела международного сотрудничества,
преподаватель кафедры русской филологии

Андижанский государственный университет имени З.М. Бабура
170100, Андижан, Узбекистан, ул. Университетская 129

E-mail: ird@adu.uz

ORCID: 0009-0003-3081-9260

Аннотация

Данная статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу семантических характеристик дипломатической терминологии в русском и узбекском языках. На материале корпуса из 388 терминов, отобранных из современных лексикографических источников и международно-правовых актов, рассматриваются вопросы однозначности и многозначности (моносемии и полисемии), семантической мотивированности, а также парадигматические отношения (синонимия, антонимия, омонимия) внутри терминосистем. Особое внимание уделяется распределению терминов по восьми понятийным группам в зависимости от обозначаемых ими концептов. В результате исследования выявлено преобладание моносемичных и мотивированных единиц в обоих языках, а также обнаружены различия в степени денотативной конкретизации понятий. Практическая значимость работы заключается в возможности применения полученных результатов в практике двуязычной терминографии и профессионального перевода дипломатической документации.

Ключевые слова: дипломатическая терминология, сопоставительная семантика, терминография, перевод, моносемия, полисемия, семантическая мотивированность, понятийные группы, антонимия, синонимия, дублетность.

Introduction

**SEMANTIC ASPECTS OF RUSSIAN AND UZBEK DIPLOMATIC
TERMINOLOGY: TOWARDS ISSUES OF TRANSLATION AND
TERMINOGRAPHIC CODIFICATION**

Ilyosbek I. Khasanov

Head of the Department of International Cooperation; Lecturer at the Department of
Russian Philology Andijan State University named after Z.M. Babur
170100, Andijan, Uzbekistan, 129 University Str.

E-mail: ird@adu.uz

ORCID: 0009-0003-3081-9260

Abstract

The article is devoted to a comparative-typological analysis of the semantic characteristics of diplomatic terminology in the Russian and Uzbek languages. Based on a corpus of 388 terms selected from contemporary lexicographic sources and international legal acts, the study examines the issues of monosemy and polysemy, semantic motivation, and paradigmatic relations (synonymy, antonymy, homonymy) within the terminological systems. Particular attention is paid to the distribution of terms into eight conceptual groups depending on the concepts they represent. The study reveals a prevalence of monosemous and motivated units in both languages and identifies differences in the degree of denotative concretization of concepts. The practical significance of the work lies in the possibility of applying the results to the practice of bilingual terminography and the professional translation of diplomatic documentation.

Keywords: diplomatic terminology, comparative semantics, terminography, translation, monosemy, polysemy, semantic motivation, conceptual groups, antonymy, synonymy, doublets.

В условиях динамичного развития международных отношений и расширения сотрудничества между странами особую значимость приобретает точность и однозначность профессиональной коммуникации. Дипломатическая терминология является фундаментом такого общения, а малейшие семантические расхождения могут привести к серьезным недоразумениям в межгосударственном взаимодействии. Несмотря на растущий интерес к языку дипломатии, комплексный сопоставительный анализ семантических характеристик и системных связей терминологии русского и узбекского языков до сих пор не получил достаточного освещения в лингвистике, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Проблема исследования заключается в выявлении универсальных закономерностей и национально-специфических особенностей в семантической организации дипломатического лексикона двух разноструктурных языков. Особое внимание уделяется проблеме концептуальной корреляции терминов, поскольку формальное совпадение лексических единиц не всегда гарантирует полное совпадение объема и содержания понятий.

Объектом исследования выступает дипломатическая терминология как целостная система. Предметом исследования являются семантические характеристики дипломатических терминов русского и узбекского языков, а также их системные отношения (однозначность/многозначность, мотивированность, синонимия, антонимия, омонимия) и концептуальная организация.

Цель работы состоит в проведении комплексного семантического анализа дипломатических терминов для выявления универсальных закономерностей и национально-специфических особенностей их смысловой организации в русском и узбекском языках.

Реализация поставленной цели предполагает последовательное решение комплекса исследовательских задач, включающих определение степени однозначности и многозначности терминов через призму моносемии и полисемии, а также анализ характера их семантической мотивированности и специфики соотнесённости формы лексемы с её содержанием. Наряду с этим осуществляется исследование системных отношений внутри изучаемого корпуса, охватывающее явления синонимии, антонимии и омонимии. Завершающим этапом работы выступает классификация дипломатических терминов по понятийным группам в зависимости от обозначаемых ими концептов, сопровождающаяся количественной обработкой и статистическим обобщением полученных данных.

Научная новизна заключается в проведении параллельного сопоставительного анализа семантических параметров дипломатического лексикона двух разнотипных языков на едином синхронном срезе.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в возможности применения полученных данных для совершенствования теории терминоведения, повышения качества перевода официальной документации и разработки двуязычных специализированных словарей.

Материалом исследования послужил корпус дипломатических терминов, сформированный методом сплошной выборки из профильных словарей, наиболее полно отражающих современные терминосистемы. Узбекский сегмент базируется на «Diplomatik terminlar izohli lug'ati»¹, кодифицирующем 390 ключевых концептов. Основным русским источником выступил «Новый дипломатический словарь»², чья репрезентативность (свыше 1200 единиц) позволяет анализировать динамику и трансформации понятийного аппарата. Синхронность изданий (2021-2022 гг.) и их высокий нормативный статус обеспечивают достоверность сравнительного семантического анализа.

В процессе установления межъязыковых корреляций было выявлено, что почти половина узбекского терминологического корпуса (191 единица) не имеет прямых словарных соответствий в «Новом дипломатическом словаре». Такая ситуация обусловлена наличием специфических институциональных и историко-правовых понятий, характеризующихся глубоким этнокультурным и правовым своеобразием. Для реализации полноценного семантического сопоставления и верификации значений исследовательский материал на русском языке был существенно расширен за счет привлечения таких авторитетных источников как «Большой юридический словарь»³,

¹ Shamsimuxamedov I. *Diplomatik terminlar izohli lug'ati*. – Toshkent: Donishmand ziyosi, 2021. - 224 b.

² Новый дипломатический словарь: электронный ресурс. – <https://dipslo.ru/>

³ Борисов А.Б. *Большой юридический словарь*. – М.: Книжный мир, 2010. – 848 с.

«Политология: словарь современных терминов и выражений»⁴, «Дипломатический словарь в 3-х томах»⁵ и «Дипломатический словарь для студентов»⁶.

Применение унифицированного корпуса обеспечивает методологическую целостность работы, позволяя рассматривать каждую терминологическую единицу не изолированно, а в системе устойчивых межязыковых соответствий. Такой подход способствует выявлению широкого спектра корреляций – от полной эквивалентности до частичных совпадений, семантических расхождений и национально-специфических особенностей интерпретации международных понятий. Исследование опирается на комплексный инструментарий, включающий компонентный анализ значения, контекстуально-дефиниционный и сопоставительный методы, а также статистическую обработку данных для последующего обобщения результатов

Верификация значений и уточнение денотативной соотнесенности терминов проводились по текстам таких основополагающих международно-правовых актов как «Устав ООН»⁷, «Венская конвенция о дипломатических сношениях»⁸, «Венская конвенция о консульских сношениях»⁹, «Венская конвенция о специальных миссиях»¹⁰, «Венская конвенция о представительстве государств в их отношениях с международными организациями универсального характера»¹¹ и другие. Такой комплексный подход обеспечил репрезентативность выборки и точность сопоставления семантических структур двух языков.

Следует отметить, что в процессе подготовки корпуса к семантическому анализу из общего перечня единиц узбекского языка были исключены лексемы «*Vena – Вена*» и «*diplomatik – дипломатический*». Данное решение обусловлено тем, что указанные единицы в изолированном виде не обладают самостоятельной понятийной полнотой, необходимой для дефиниционного анализа в рамках терминосистемы. Топоним «*Vena*» функционирует в дипломатическом дискурсе преимущественно как компонент прецедентных наименований (например, *Венская конвенция – Vena konvensiyasi*, *венский регламент – Vena reglamenti*), а прилагательное «*diplomatik*», т.е «дипломатический», выступает в роли классифицирующего определителя.

Обоснованность такого подхода подтверждается теоретическими положениями Ошурмахмадовой А., указывающей на служебную, маркирующую роль подобных лексем. Автор подчеркивает, что «общелитературные лексические единицы, которые входят в состав лексики дипломатического делопроизводства, отличаются не только сферой функционирования, но и тем, что с помощью соответствующих прилагательных (международный, дипломатический, государственный) к их значению добавляется

⁴ Мустафин А.А. Политология: словарь современных терминов и выражений / А.А. Мустафин – Ангарск: Изд-во: АГТА, 2012 – 168 с.

⁵ Дипломатический словарь. В 3 т. / Гл. ред. А. А. Громыко и др. — М.: Политиздат, 1971–1973. — Т. 1: А–И. — 1971. — 612 с.; Т. 2: К–П. — 1971. — 592 с.; Т. 3: Р–Я. — 1973. — 719 с.

⁶ Дипломатический словарь для студентов / Авт. кол.; под рук. А.В. Яковенко, д-ра юрид. наук, профессора М.: Издательство Дипломатической академии МИД России, 2022. 298 с.

⁷ <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>

⁸ https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/diprel.pdf

⁹ https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/consular.pdf

¹⁰ https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/sp_missions.shtml

¹¹ https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/state_relations.pdf

«закрепленность» за дипломатическими документами. Именно благодаря названным прилагательным (так называемым доминантам) терминологическое значение приобретают словосочетания: международная вежливость, международные гарантии; дипломатический язык, дипломатические отношения; государственная граница, государственный иммунитет»¹².

Поскольку данные лексемы (так называемые «доминанты») служат лишь средством терминологизации общелитературных слов в составе полилексемных единиц и не несут автономной узкоспециальной смысловой нагрузки, их отдельное рассмотрение в разделе семантики было признано нецелесообразным».

В соответствии с задачами исследования первым этапом семантического анализа является исследование степени *однозначности* (моносемия) и *многозначности* (полисемия) дипломатических терминов русского и узбекского языков (Таблица 1).

Таблица 1. Количественные показатели моносемии и полисемии в дипломатических терминосистемах русского и узбекского языков (388 пар).

	Русский язык		Узбекский язык	
	Количество	%	Количество	%
Моносемия	327	84.23	354	91.24
Полисемия	61	15.77	34	8.76
Итого	388	100	388	100

В терминоведении традиционно считается, что идеальный термин должен быть моносемичным, то есть обладать единственным значением в рамках данной терминосистемы, что обеспечивает предельную точность и исключает двусмысленность в профессиональной коммуникации. Фундаментальное требование к однозначности термина было сформулировано ещё основоположником отечественной терминологической школы Лотте Д.С., который категорично указывал, что «никакой многозначности самого термина в целом допускать не следует»¹³. Данный тезис подчеркивает инструментальную природу термина: в отличие от общеупотребительного слова, термин призван обслуживать узкоспециальную сферу, где семантическая вариативность может привести к искажению профессиональной информации или юридическим коллизиям.

Эту концепцию развивает и конкретизирует Реформатский А.А., акцентируя внимание на необходимости жесткой демаркации между терминологической лексикой и общезыковым фондом. По мнению ученого, «хорошие термины должны быть «отграничены» от полисемии, от экспрессивности и тем самым от обычных нетерминологических слов, которые как раз по преимуществу многозначны и экспрессивны»¹⁴.

¹² Ошурмахмадова С.Ш. (2019). Особенности лексики дипломатического делопроизводства. Мир науки, культуры, образования, (1 (74)), 475-477. – С. 476.

¹³ Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука – 1982. – С. 29.

¹⁴ Реформатский А.А. Введение в языковедение/Под ред. В.А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс. 1996. – С. 62.

В контексте специфики международного общения данное положение приобретает статус институциональной нормы. Как отмечает Саидов Х.А., «в пределах данной системы понятий термин в идеале должен быть однозначным, систематичным, стилистически нейтральным (например, «агреман», «экзекватура», «денонсация»)»¹⁵. Автор справедливо указывает на то, что однозначность термина неразрывно связана с его системностью и отсутствием экспрессивной окраски. Приведенные примеры (*агреман – agreman, экзекватура – ekzekvatura*) являются эталонными моносемантами, поскольку их понятийное содержание жестко ограничено рамками дипломатического протокола и права, что исключает их использование в иных смысловых значениях.

Несмотря на эти теоретические установки, реальное функционирование терминосистем русского и узбекского языков демонстрирует определенные отступления от идеала однозначности, что подтверждается результатами нашего количественного анализа.

Количественный анализ исследуемого нами корпуса показал, что подавляющее большинство дипломатических терминов в обоих языках характеризуется моносемичностью (русский язык – 84.23 %, узбекский язык – 91.24 %). Высокая доля однозначных единиц обусловлена институциональной природой дипломатического дискурса, где значения терминов жестко кодифицированы международно-правовыми актами. Такие термины и терминологические сочетания, как *кондоминиум – kondominium, апартейд – aparteid, дуайен – duayen, вербальная нота – verbal nota, импичмент – impichment, консульский архив – konsullik arxivi, инаугурация – inauguratsiya, конкордат – konkordat, дипломатический этикет – diplomatik etiket* и др., обладают стабильным семантическим объемом, который остается неизменным вне зависимости от контекста.

Вместе с тем, в обеих терминосистемах зафиксирован определенный пласт многозначных (полисемичных) единиц (русский язык – 15.77 %, узбекский язык – 8.76 %). Наличие таких единиц в строго регламентированном дипломатическом дискурсе объясняется процессами семантической деривации, при которых термин в ходе исторического развития или функционального расширения приобретает дополнительные значения.

Как справедливо отмечают Хандобин А.Е. и Егорова О.В., «такие требования, как однозначность, точность, краткость и др. имеют место быть только в идеале»¹⁶, в то время как реальная языковая практика демонстрирует неизбежное сосуществование различных смысловых пластов внутри одной формы.

Причины возникновения терминологической многозначности фундаментальны. Согласно Лотте Д.С., «несколько значений могут быть вызваны либо переносом звукового комплекса (слова, термина) с одного понятия на другое (многозначный термин), либо совпадением звуковых комплексов слов различного происхождения»¹⁷.

¹⁵ Саидов Халимджон Азизович (2012). Дипломатическая терминология и её особенности в разносистемных языках. Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук, (3), 216-223. – С. 219.

¹⁶ Хандобин А. Е., & Егорова О. В. (2024). ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОСМЫСЛЕНИЮ ТЕРМИНА. Язык как структура и дискурсивная практика, (4 (7)), 37-44. doi: 10.38161/2949-4877-2024-4-37-44 – С. 40.

¹⁷ Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука – 1982. – С. 29.

В дипломатической сфере этот процесс часто сопряжен с влиянием общеупотребительной лексики и лингвистическими трансформациями. Головин Б.Н. и Кобрин Р.Ю. выделяют два основных источника этого явления: «1. Полисемия соответствующих общеупотребительных слов; 2. Полисемия на основе метонимии»¹⁸.

Механизм развития таких значений детально описывается в работе Даниленко В.П., который указывает, что «терминологическая многозначность является результатом переноса значения на основе метонимии (обозначение результата процесса действия через название действия и др.) и синекдохи (тип переноса значения по смежности, основанной на количественном соотношении: большее обозначается через меньшее, род через вид, целое через часть, общее через частное и наоборот)»¹⁹.

В исследуемом нами корпусе выявлено несколько моделей распределения полисемии. К группе терминов, проявляющих многозначность в обоих языках, относятся такие фундаментальные единицы, как «*ammaше – attashe*» (должностное лицо и дипломатический ранг), «*нота – nota*» (вид документа и само обращение), а также «*дипломатический акт – diplomatik akt*», «*дипломатический корпус – diplomatik korpus*», «*убежище – boshpana*», «*геополитика – geosiyosat*», «*статут – statut*» и «*заявление – bayonot*». В этих случаях полисемия носит универсальный характер, отражая международно-правовую специфику данных концептов.

Особый интерес представляют случаи дифференцированной полисемии. Так, зафиксирован ряд терминов, проявляющих многозначность только в русском языке: *демарш, посольство, иммунитет, принцип справедливости, санкции, виза, международная зона, депортация, консульство*. Например, в русском языке лексемы «*посольство*» (*elchixona/elchilik*) или «*консульство*» (*konsulxona/konsullik*) могут обозначать как само дипломатическое учреждение (здание), так и совокупность его сотрудников (штат), что является классическим примером метонимического переноса «помещение – люди». Также термин «*виза*» (*diplomatik viza, yashash huquqini beruvchi viza*) в русском языке аккумулирует в себе значения различных категорий разрешительных отметок и самой процедуры официального санкционирования, выступая в роли широкого родового понятия. В узбекском языке для данных понятий часто используются уточняющие морфемы и аналитические словосочетания, что сужает потенциальную полисемию.

С другой стороны, выявлены единицы, многозначные только в узбекском языке, такие как «*дипломат – diplomat*», «*аккредитация – akkreditatsiya*», «*эмбарго – embargo*». Это может быть связано с особенностями лексической адаптации заимствований и расширением их функционального диапазона в принимающей терминосистеме.

Такая семантическая динамика объясняется фундаментальным лингво-философским принципом Авербуха К.Я., который отмечает, что «содержание и объём понятия связаны так называемым законом обратного отношения: чем шире объём понятия, тем уже его содержание, и наоборот»²⁰. В данном контексте полисемичные лексемы

¹⁸ Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. – М.: Высш. шк., 1987. – С. 49.

¹⁹ Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977. – С. 66.

²⁰ Авербух К.Я. Общая теория термина. М.: Издательство МГОУ, 2006 – С. 166.

характеризуются значительным объемом при относительно обобщенном содержании, что позволяет одной форме покрывать несколько смежных денотатов в дипломатической практике.

Несмотря на естественность процессов развития значений, следует помнить, что «полисемия является одним из факторов, затрудняющих коммуникацию»²¹, особенно в гуманитарных науках, к которым относится дипломатия. Сравнительный анализ подтверждает, что более высокий процент полисемии в русском языке (15,77% против 8,76% в узбекском) свидетельствует о более длительном периоде адаптации и семантического развития терминов в русской лингвокультуре, тогда как узбекская терминосистема демонстрирует стремление к большей моносемичности, что минимизирует риски «коммуникативных помех».

Дипломатическая терминология представляет собой одну из наиболее консервативных и одновременно динамично развивающихся подсистем языка. Существенное влияние на однозначность восприятия термина оказывает прозрачность его внутренней формы. Данный аспект неразрывно связан с общими механизмами номинации, поскольку, «в непосредственной связи с типом лексического значения, реализуемого в терминологии, находится и более общий вопрос, касающийся такого принципа номинации как мотивированность – немотивированность»²².

В этой связи следующим этапом нашего исследования станет анализ дипломатической лексики с точки зрения её семантической мотивированности и немотивированности, что позволит определить, насколько форма термина способствует пониманию его содержания.

В словаре лингвистических терминов под мотивированным явлением понимается такое состояние языковой единицы, при котором «данное содержание поддается более или менее непосредственному соотнесению с соответствующим выражением»²³.

В современном терминоведении под мотивированностью понимается прозрачность семантической связи между формой термина и его содержанием. При этом принципиально важно разграничивать общеязыковую и узкоспециальную природу этого явления, так как «понятие мотивированности в терминоведении (терминологической мотивированности) несколько отличается от того же понятия в общей лингвистике. Воспринимая от семиотики широкое понимание мотивированности (неизвестное мотивируется известным), терминоведение рассматривает это понимание расчлененно: мотивированность формы термина понимается как объясненность выбора этой формы языковым субстратом термина – лексической единицей определенного естественного языка (в этом смысле мотивированность формы термина является вторичной по отношению к мотивированности лексической единицы как таковой; немотивированная лексическая единица общеупотребительного языка может быть мотивированным

²¹ Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. – М.: Высш. шк., 1987. – С. 48.

²² Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977. – С. 62.

²³ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов: [лингвостилистика, синтаксис, морфология, фonomорфология, фонетика, лексикология: около 7000 терминов] / О. С. Ахманова. – Изд. 5-е – Москва: Либроком, URSS, 2009. – С. 236.

термином). Мотивированность семантики и функции термина определяется прямым отношением к объекту обозначения и местом термина в терминосистеме».²⁴

Следовательно, в дипломатической сфере мотивированность термина может носить двойственный характер: с одной стороны, она опирается на внутренние ресурсы национального языка, а с другой – определяется строгой логико-понятийной связью с конкретными международно-правовыми реалиями и институтами, что и обеспечивает стабильность функционирования терминосистемы в пространстве межкультурной коммуникации.

Что касается немотивированных терминов, то они представляют собой особую категорию, характеризующуюся отсутствием явной семантической связи между формой и значением, воспринимаемой в синхронном плане. Как отмечает Гринев-Гриневиц С.В., «в ряде случаев, если заимствуется иноязычное слово или утеряно/забыто первоначальное значение слова, используемого в качестве термина, собственное лексическое значение термина может отсутствовать... Такие термины называются немотивированными и семантически нейтральными»²⁵.

В рамках классификации типов номинации Даниленко В.П. выделяет конкретные структурные группы единиц, обладающих свойством семантической прозрачности. Он отмечает, что «все аффиксальнообразованные слова-термины, термины-сложные слова, термины-словосочетания и слова, ставшие терминами в результате семантического переноса, можно считать мотивированными»²⁶.

Данное суждение подчеркивает, что морфологическая и синтаксическая производность термина, а также его связь с уже известным общеязыковым концептом создают прочный фундамент для адекватного декодирования его профессионального значения. В таких случаях «внутренняя форма» слова служит надежным ориентиром, позволяющим специалисту соотнести форму термина с конкретным понятием без обращения к дополнительным толкованиям.

Далее автор противопоставляет этой группе иную категорию номинаций, конкретизируя структурно-генетический состав так называемых знаковых единиц: «немотивированные термины – это производные образования русского языка, заимствования из других языков, термины-кальки»²⁷.

Следовательно, немотивированность в данном контексте обусловлена отсутствием «живых» словообразовательных связей внутри принимающей языковой системы. Это превращает подобные термины в конвенциональные символы, чье значение не выводится из суммы их частей, а закрепляется за звуковой оболочкой на уровне соглашения. Для дипломатической терминологии это положение является ключевым, так как значительный пласт её лексики составляют именно заимствования и кальки, требующие от специалиста строгого запоминания дефиниций.

²⁴ Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – С. 39.

²⁵ Гринев-Гриневиц. Терминоведение. Учеб. Пособие для студ. Высш. Учеб. Заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2008 – С. 90.

²⁶ Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977. - С. 63.

²⁷ Там же – С. 63

Проблему утраты смысловых связей в процессе исторического развития языка акцентирует Шкилев Р.Е. По его мнению, «немотивированными называют термины, объяснить форму которых не представляется возможным. Во многих случаях немотивированными являются термины, дотерминологическое значение которых утеряно или забыто. Соответственно, нельзя говорить о каком-либо первоначальном значении слова»²⁸.

Применение данных дефиниций к сопоставительному изучению русской и узбекской дипломатической лексики позволяет классифицировать отобранные единицы в зависимости от характера связи их внешней формы с внутренним содержанием, что наглядно иллюстрирует специфику номинации в каждой из лингвокультур. Обобщенные результаты статистического анализа, отражающие количественные показатели и процентное соотношение мотивированных и немотивированных единиц в исследуемом корпусе, представлены в Таблице 2.

Таблица 2. Количественное распределение и процентное соотношение мотивированных и немотивированных дипломатических терминов в русском и узбекском языках.

	Русский язык		Узбекский язык	
	Количество	%	Количество	%
Мотивированные	261	67,3	254	65,5
Немотивированные	127	32,7	134	34,5
Итого	388	100	388	100

Анализ количественных показателей позволяет выявить закономерности формирования дипломатической лексики в обоих языках, а также определить степень семантической прозрачности исследуемых терминосистем. В русской дипломатической терминосистеме преобладают мотивированные единицы – 261 термин (67,3%). Столь высокий показатель свидетельствует о развитости морфологических и синтаксических способов терминопорождения. Мотивированность в данном случае обеспечивается за счет использования прозрачных славянских корней и продуктивных аффиксов (например, *гражданство (fuqarolik)*, *заявление (bayonot)*, *посредничество (vositachilik)*), а также через создание сложных терминов-словосочетаний (*многосторонняя дипломатия (ko'p tomonlama diplomatiya)*, *государственная граница (davlat chegarasi)*, *министерство иностранных дел (tashqi ishlar vazirligi)*, *верительная грамота (ishonch yorlig'i)*), где значение целого легко выводится из значений его компонентов.

Доля немотивированных терминов составляет 127 единиц (32,7%). К этой группе относятся преимущественно старые заимствования из латинского и французского языков (*агреман (agreman)*, *пакт (pakt)*, *статус-кво (status-kvo)*, *нунций (nunsiy)*), чья внутренняя форма для современного носителя языка полностью утрачена, и термин функционирует как чистый знак-символ.

²⁸ Шкилев Р.Е. Мотивированность и внутренняя форма термина (на примере юридической терминологии). Сборник научных трудов «Иностранные языки в современном мире». Казань, 2020. – С. 154.

В узбекской терминосистеме показатели распределения близки к русским: мотивированные термины составляют 254 единицы (65,5%). Мотивированность здесь опирается на агглютинативные возможности языка и активное использование аналитических конструкций. Высокая степень прозрачности характерна для терминов, созданных на основе исконного лексического фонда: *elchixon* (посольство), *tashqi siyosat* (внешняя политика), *Mustaqil davlatlar hamdo'stligi* (Содружество независимых государств) и др.

Доля немотивированных единиц несколько выше, чем в русском языке, и составляет 134 термина (34,5%). Это объясняется тем, что узбекская дипломатическая терминология в процессе своего активного формирования в период независимости интенсивно инкорпорировала международные термины-латинизмы в их первоначальном виде. Для узбекского языка такие лексемы, как «*immunitet*» (иммунитет), «*ratifikatsiya*» (ратификация), «*legat*» (легат), «*plebissit*» (плебисцит) являются абсолютно немотивированными заимствованиями, воспринимаемыми как целостные лексические блоки.

Сопоставление полученных данных выявляет значительную степень структурно-семантического параллелизма в развитии двух терминосистем. В обоих языках наблюдается устойчивое доминирование мотивированных единиц (около 2/3 корпуса), что отвечает важнейшему требованию профессиональной коммуникации – доступности и точности восприятия специального знания.

Незначительное расхождение в цифрах (превышение доли немотивированных терминов в узбекском языке на 1,8% по сравнению с русским) не является критическим, однако оно симптоматично. Это подтверждает тезис о том, что узбекская дипломатическая терминология демонстрирует большую открытость к международным стандартам номинации, в то время как в русском языке за счет более длительного периода исторической адаптации часть заимствований была подвергнута «вторичной мотивировке» или заменена на национальные эквиваленты.

В целом, наличие около 30–35% немотивированных единиц в обеих системах подчеркивает «знаковый» характер дипломатического языка, где использование интернационализмов с закрытой внутренней формой служит инструментом унификации международно-правового пространства.

Исследование семантической организации дипломатического лексикона предполагает не только анализ отдельных единиц, но и изучение системных связей между ними. Важнейшими параметрами такой системы выступают отношения синонимии, антонимии и омонимии, которые определяют внутреннюю логику терминологического поля.

Традиционно **синонимия** в терминологии воспринимается как отклонение от идеала, однако она является неизбежным продуктом эволюции языка. В отличие от общеупотребительной лексики, где синонимы создают экспрессию, в дипломатии они соотносятся с одним и тем же понятием и объектом.

Это позволяет многим исследователям говорить об «абсолютной синонимии» или **дублетности**. Головин Б.Н. и Кобрин Р.Ю. подчеркивают, что «терминологиям свойственна именно абсолютная синонимия, что дает основания именовать это явление

терминологической дублетностью»²⁹. Гринев-Гриневиц С.В. также указывает на то, что в терминоведении понятие «дублетность» практически потеснило «синонимию», так как термины-дублеты «являются абсолютно эквивалентными по значению»³⁰.

Важным фактором возникновения таких единиц является структурная компрессия термина. Согласно Даниленко В.П., «синонимы являются результатом синхронного существования двух вариантов наименования – полного и краткого. Краткий вариант может создаваться либо путем лексического сокращения термина-словосочетания, либо путем замещения словосочетания однословным наименованием (сложносокращенным, сложным или производным словом). <...> Сюда можно отнести и случаи параллельного существования полной формы наименования и аббревиатурного его варианта»³¹.

В исследуемом нами корпусе дипломатической лексики в русском и узбекском языках примерами дублетности (или абсолютной синонимии) выступают такие термины, как *внешнеполитическое ведомство (tashqi ishlar idorasi) – министерство иностранных дел (tashqi ishlar vazirligi) – МИД (TIV) – органы внешних сношений (tashqi munosabatlar idoralari), Нюрнбергский процесс – Нюрнбергский трибунал (Nyurnberg protsessi), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (Yevropa xavfsizlik va hamkorlik tashkiloti) – ОБСЕ (YXHT), Организация Североатлантического договора (Shimoliy Atlantika shartnomasi tashkiloti) – НАТО (NATO), Организация объединенных наций (Birlashgan Millatlar Tashkiloti) – ООН (BMT), коалиция (koalitsiya) – блок (blok) – союз (ittifoq), Хельсинские соглашения – Хельсинская декларация (Xelsinki yakunlovchi akti), Европейский союз – Евросоюз – ЕС (Yevropa ittifoqi), суверенитет (suverenitet) – независимость (mustaqillik), движение неприсоединения (qo'shilmaslik harakati) – нейтралитет (neytralitet), штатный консул (shtat konsuli) – почетный консул (faxrli konsul) и др.*

Лотте Д.С. отмечал, что синонимия может быть вызвана «различными морфолого-синтаксическими конструкциями»³². В узбекском языке это часто проявляется в конкуренции слова и словосочетания: *парафирование (parafirlash – paraf qo'yish), пролонгация (prolongatsiya – prolongatsiya qilish), резиденция (qarorgoh – rezidensiya), беженцы (qochoqlar – qochqinlar), личная нота (xususiy xat – shaxsiy xat – shaxsiy nota – xususiy nota – birinchi shaxs nomidan nota) и др.*

Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. отмечают парадоксальный характер этого процесса: «несмотря на требование точности и однозначности термина, обнаруживается рост числа синонимичных терминов, конкурирующих друг с другом»³³. Это подтверждает, что дипломатический язык — это живая, развивающаяся система.

²⁹ Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. – М.: Высш. шк., 1987. – С. 54.

³⁰ Гринев-Гриневиц. Терминоведение. Учеб. Пособие для студ. Высш. Учеб. Заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2008 – С. 104.

³¹ Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977. – С. 76.

³² Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука – 1982. – С. 31.

³³ Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории / Отв. ред. Т.Л. Канделаки. Изд. 6-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – С. 95.

Подобная динамика во многом объясняется спецификой развития терминологий в целом. Как указывает Ширококолобова А.Г., «синонимия, как правило, характерна для начальных этапов формирования терминологий, когда еще не произошел естественный (и сознательный) отбор лучшего термина, и имеется несколько вариантов для одного и того же понятия»³⁴.

В отличие от синонимии, **антонимия** признается конструктивным фактором, так как она систематизирует понятия через их противопоставление. По мнению Головина Б.Н. и Кобрина Р.Ю., «в терминологиях антонимия выступает как один из регулярных принципов наименования понятий с противоположным содержанием»³⁵. Эту концепцию дополняет суждение Саидова о том, что «Антонимия дипломатической терминологии выражает специфическое свойство человеческого мышления формировать парные научные понятия, каждое из которых, возникнув, одновременно предлагает свою противоположность»³⁶.

Так, в исследуемой нами терминологии к наиболее ярким антонимическим парам относятся: *штатный консул (shtat konsuli) – нештатный консул (shtatsiz konsul)*, *де-факто (de-fakto) – де-юре (de-yure)*, *персона грата (persona grata) – персона нон грата (persona non grata)*, *анампид (apatrid) – бунампид (bipatrid)*, *эмигрант (emigrant) – иммигрант (immigrant)*, *иммиграция (immigratsiya) – эмиграция (emigratsiya)*, *натурализация (naturalizatsiya) – денатурализация (denaturalizatsiya)*, *ратификация (ratifikatsiya) – денонсация (denonsatsiya)*, *внешняя политика (tashqi siyosat) – внутренняя политика (ichki siyosat)* и др. Как видно из примеров, антонимические отношения в дипломатической сфере реализуются как на лексическом уровне, так и с помощью различных словообразовательных средств (аффиксации и аналитических конструкций), что обеспечивает логическую структурированность всей терминосистемы.

Наряду с синонимией и антонимией, в исследуемых языках фиксируются случаи омонимии, которая зачастую является следствием межъязыковых контактов. Рассматривая данную проблему на материале узбекского языка, Усманова С.Н. и Хамраева Д.А. отмечают, что «омонимы в узбекском языке различны по смысловым качествам. Их от двух до шести-семи, и каждый из них считается самостоятельным словом, обозначающим отдельное значение. Они могут появиться по следующим причинам: в результате заимствования слов и терминов из других языков и совпадения по форме этих слов с другими словами в узбекском языке»³⁷.

В дипломатической терминосистеме узбекского языка омонимия выступает преимущественно как побочный продукт интернационализации. Случайное формальное совпадение заимствованного термина с исконной лексемой (или лексемой из другого

³⁴ Ширококолобова Анастасия Георгиевна (2013). Терминологическая синонимия на примере русских и английских терминов дамбостроения. Вопросы когнитивной лингвистики, (3 (36)), 127-131. – С. 127.

³⁵ Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. – М.: Высш. шк., 1987. – С. 58.

³⁶ Саидов Халимжон Азизович. Дипломатическая терминология в таджикском и английском языках : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Саидов Х. А.; Место защиты: Рос.-тадж. славян. ун-т. — Душанбе, 2013. — 366 с. — С. 130.

³⁷ Усманова Светлана Негматовна, & Хамраева Дилором Аззамовна (2023). СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИИ ОМОНИМОВ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ. Филология и человек, (2), 153-162. – С. 157.

пласта заимствований) требует особого внимания при переводе и интерпретации документов, так как омонимия, в отличие от полисемии, разрывает семантическую связь между единицами, превращая их в автономные, не связанные друг с другом знаки.

Кроме этого, омонимия в дипломатии встречается значительно реже и имеет свою специфику. Головин Б.Н. и Кобрин Р.Ю. поясняют, что «в терминологии наиболее распространена междисциплинарная терминологическая омонимия»³⁸. Реформатский А.А. приводит примеры такого межнаучного пересечения: «реакция 1) в химии, 2) в физиологии, 3) в политике»³⁹. В дипломатическом контексте омонимия может возникнуть при совпадении специального термина с общелитературным словом или термином из смежных областей (юриспруденции, политологии, военного дела).

Таким образом, синонимия, антонимия и омонимия образуют сложную сеть межуровневых отношений, в которой отражается как универсальный характер международной дипломатии, так и лингвокультурная специфика русского и узбекского языков.

Исчерпывающее понимание специфики дипломатической терминологии невозможно без её системной организации. Помимо изучения отдельных лексических единиц и их парадигматических отношений, особую значимость приобретает распределение терминов по понятийным категориям. Такая классификация позволяет увидеть структуру дипломатической картины мира, отражённой в языке, и установить, какие сферы международных отношений наиболее насыщены терминологическими единицами. Таким образом, завершающий этап анализа семантики будет посвящен систематизации исследуемых терминов в рамках определённых тематических блоков, что обеспечит комплексное представление о концептуальной структуре дипломатического дискурса в русском и узбекском языках.

На данном этапе исследования 388 из 390 дипломатических терминов были распределены на 8 тематических групп. Как и утверждалось ранее, термины «дипломатический (diplomatik)» и «Вена (Vena)» не были включены в непосредственное распределение по тематическим группам, поскольку первый является прилагательным, а второй – географическим названием, функционирующим чаще как компонент более сложных терминологических единиц.

³⁸ Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. – М.: Высш. шк., 1987. – С. 51.

³⁹ Реформатский А.А. Введение в языковедение/Под ред. В.А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс. 1996. – С. 62.

Таблица 3. Количественное распределение дипломатических терминов по тематическим группам в русском и узбекском языках (388 терминов).

№	Тематическая группа	Количество	%
1	<i>Международно-правовой фундамент (Общие понятия)</i>	95	24,5
2	<i>Институциональная сфера (Органы и организации)</i>	69	17,8
3	<i>Дипломатическая документация (Инструментарий)</i>	52	13,4
4	<i>Процедурно-процессуальная сфера (Действия и события)</i>	50	12,9
5	<i>Субъекты дипломатии (персоналии, ранги и классы)</i>	41	10,6
6	<i>Сфера конфликтов и мирного урегулирования</i>	38	9,8
7	<i>Дипломатический этикет и протокол</i>	32	8,2
8	<i>Виды дипломатии</i>	11	2,8
Итого		388	100

Детальный анализ данных, представленных в Таблице 3, демонстрирует структурную иерархию дипломатического лексикона и позволяет выявить его наиболее насыщенные концептуальные области. *Международно-правовой фундамент* включает 95 (24,5%) единиц (например, *дипломатическая защита (diplomatik himoya)*, *принцип Ути поssidetис (Uti possidetis)*, *паритет (paritet)*, *конфедерация (konfederatsiya)*, *принцип единогласия (yakdillik prinsipi)*, *консульский иммунитет (konsullik immunitetlari)*, *международное морское право (xalqaro dengiz huquqi)* и многие др.) и является самой многочисленной группой. Это объясняется тем, что дипломатия базируется на обширном своде норм, принципов и универсальных идей, требующих точной фиксации.

Институциональная сфера (69 из 388 терминов (17,8 %)) занимает второе место, что подчеркивает институционализированный характер современной дипломатии. Многочисленность этой группы объясняется разнообразием акторов и структур на международной арене. К данной категории относятся такие термины и терминологические сочетания, как *Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) – Shanxay hamkorlik tashkiloti (ShHT)*, *Европейский парламент (Европарламент) – Yevropa parlamenti*, *Лига наций – Millatlar ligasi*, *консульство – konsulxona*, *коллегия иностранных дел – tashqi ishlar kollegiyasi*, *Группа двадцати (G20) – Katta yigirmatalik*, *дипломатическое представительство – vakolatxona*, *Форин офис – Forin offis* и др.

Дипломатическая документация (52 – 13,4%) и *процедурно-процессуальная сфера* (50 – 12,9%) образуют значительный блок, что свидетельствует о роли письменного взаимодействия и строгой регламентации действий в дипломатии. Примерами терминов, входящих в первую группу, служат *отзывная грамота (chaqirib olish yorlig'i)*, *заключительный акт (yakuniy akt)*, *венские конвенции (Vena konvensiyalari)*, *конкордат (konkordat)*, *джентельменское соглашение (jentlmenlik kelishuvi)*, *вербальная нота (verbal nota)*, *пакт (pakt)*, *открытый лист (ochiq varaqa)* и пр. Терминами,

характеризующими процедурно-процессуальную сферу, т.е. обозначающими действия и события, являются *Репатриация (Repatriatsiya)*, *Дисмисл (Dismissl)*, *Промульгация (Promulgatsiya)*, *Обмен письмами или нотами (Notalar (xatlar) almashuvi)*, *Модус Процеденти (Modus Prosedendi / Modus Operandi)*, *Инсurreкция (Insurreksiya)*, *Денонсация (Denonsatsiya)*, *Аккламация (Akklamatsiya)*, *Дипломатические переговоры (Diplomatik muzokaralar)*, *Экспатриация (Eksatriatsiya)* и т.д.

Субъекты дипломатии также является объемной группой, отражающей значимость человеческого фактора и иерархии в дипломатическом протоколе. Сюда относятся дипломатические термины (41 – 10,6%), обозначающие персоналии, ранги и классы: *генеральный секретарь ООН (BMT Bosh kotibi)*, *Чрезвычайный и Полномочный Посол (elchi / Favqulodda va Muxtor Elchi)*, *нунций (nunsiy)*, *вице-консул (vitse-konsul)*, *напский легат (legat)*, *поверенный в делах (ishonchli vakil)*, *эмиссар (emissar)*, *дуаён (duayen)*, *консульский курьер (konsullik kuryeri)*, *полпред /полномочный представитель (muxtor vakil)* и др.

Сфера конфликтов и мирного урегулирования (38 терминов – 9,8%) демонстрирует одну из центральных задач дипломатии – предотвращение и разрешение кризисов. Примерами терминов этой группы являются такие понятия, как *санкции (sanksiyalar)*, *кондоминиум (kondominium)*, *демарш (demarsh)*, *аннексия (anneksiya)*, *интервенция (intervensiya)*, *разрыв дипломатических отношений (diplomatik munosabatlarning uzilishi)*, *политика «Открытых дверей» («Ochiq eshiklar» siyosati)*, *разрядка международной напряженности (xalqaro tanglikni yumshatish)*, *реторсия (retorsiya)* и пр. **Дипломатический этикет и протокол** (32 термина – 8,2%) является важной, хотя и менее многочисленной группой, подчеркивающей формализованный и церемониальный аспект дипломатической коммуникации. В эту группу входят, например, *соболезнования (ta'ziya)*, *дипломатический протокол (diplomatik protokol)*, *визит вежливости (iltifot tashrifi)*, *флагшток (flagshtok)*, *дипломатическая аудиенция (diplomatik audiyensiya)*, *дипломатический этикет (diplomatic etiket)*, *дипломатическое старшинство (sardorlik)*, *государственный флаг (davlat bayrog'i)*, *государственный герб (davlat gerbi)*, *салют (salyut)* и др.

Виды дипломатии (или формы дипломатии) (11 терминов – 2,8) является наименьшей группой, что указывает на то, что это скорее классификационная категория, детализирующая методы и формы дипломатической работы. В данную группу входят такие концептуально сложные термины, как *культурная дипломатия (madaniy diplomatiya)*, *дипломатия канонеров (kanonerkalar (qurolli kema) diplomatiyasi)*, *дипломатия «второго канала» (nogasmiy diplomatiya)*, *многосторонняя дипломатия (ko'p tomonlama diplomatiya)*, *AD HOC (AD HOS)*, *превентивная дипломатия (preventiv diplomatiya)* и т.д.

Несмотря на немногочисленность, эти единицы обладают высокой смысловой нагрузкой. Как отмечает Саидов Х.А., «при изучении двух или более языков в сопоставительно-типологическом плане большое практическое значение имеет выявление некоторых тематико-семантических групп, объединенных общностью значений. Это позволит обнаружить общие и отличительные стороны в выражении тех

или иных понятий дипломатических терминов в рассматриваемых языках»⁴⁰. Действительно, через анализ этой группы прослеживается, как русский и узбекский языки адаптируют международные политические стратегии, используя либо калькирование («дипломатия канонерок» – «kanonerkalar diplomatiyasi»), либо описательные конструкции.

Особенность данной группы заключается в том, что она именуется не просто объекты, а сложные способы профессиональной деятельности. О. С. Финикова подчеркивает: «Специфика термина в этом смысле сводится к тому, что при помощи терминов принято называть понятия, а также признаки либо свойства этих понятий, как и операции в узкоспециальных областях науки и человеческой деятельности...»⁴¹. В случае с видами дипломатии мы имеем дело именно с «операциями» и «признаками» внешнеполитической активности.

Кроме того, малый объем группы при высокой сложности её единиц объясняется внутренней организацией терминосистемы. По мнению того же автора, «терминосистемам в отличие от общеупотребительной лексики присуща более высокая степень детализации действительности, что приводит к возникновению носящих регулярный характер цепочек названий, связанных между собой по классификационному принципу»⁴². Группа «Виды дипломатии» представляет собой именно такую классификационную цепочку, где каждый термин уточняет характер дипломатического воздействия.

Поскольку данные термины часто носят метафорический или узкоспециальный характер (например, «дипломатия канонерок» или «AD НОС»), их правильное понимание в обеих лингвокультурах критически зависит от точности их истолкования. Канделаки Т.Л. справедливо замечает в связи с этим: «Описание значений терминов в терминологической практике производится посредством построения дефиниций выражаемых ими понятий»⁴³. Таким образом, через систему определений (дефиниций) в русском и узбекском языках достигается однозначность восприятия этих сложных форм международного взаимодействия, что минимизирует риск разночтений в дипломатической практике.

Завершая анализ тематического распределения, необходимо отметить важную лингвистическую особенность, выявленную в процессе классификации. При распределении терминов по группам было обнаружено, что некоторые единицы русского языка, характеризующиеся многозначностью (полисемией), при переводе на узбекский язык подвергаются лексической дифференциации. Это привело к тому, что один и тот же русский термин в зависимости от реализуемого в контексте значения был отнесен к разным тематическим категориям. Примерами такой дифференциации являются следующие термины: *посольство* (в значении физического объекта) – *elchixon*

⁴⁰ Саидов Халимжон Азизович. Дипломатическая терминология в таджикском и английском языках : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Саидов Х. А.; Место защиты: Рос.-тадж. славян. ун-т. — Душанбе, 2013. — 366 с. — С. 117.

⁴¹ Финикова И.В. (2012). Функциональный спектр терминологических единиц. Вопросы когнитивной лингвистики, (1), 98-102. – С. 98.

⁴² Там же – С. 98.

⁴³ Канделаки Т.Л. Семантика и мотивированность термина. – М.: Наука. 1977. – С. 26.

и *посольство* (в значении дипломатической миссии) – *elchilik*; *консульство* (как государственное учреждение или его здание) – *konsulxona* и *консульство* (как должностной статус или функции консула) – *konsullik*.

Данное явление подтверждает тезис о том, что терминосистема узбекского языка в ряде случаев стремится к более высокой степени конкретизации понятий, разделяя абстрактное действие, статус и физический объект.

Таким образом, тот факт, что в русском языке эти понятия выражены одной лексемой, а в узбекском — разными, обусловил их распределение в разные понятийные группы. Это еще раз доказывает, что сопоставительный анализ терминосистем позволяет выявить тонкие смысловые различия в концептуализации дипломатической деятельности, где русская терминология демонстрирует тенденцию к семантической универсальности форм, а узбекская — к лексической специализации каждой семемы.

Проведенный комплексный анализ семантических характеристик и системных связей дипломатической терминологии русского и узбекского языков позволяет сформулировать следующие выводы:

1. В области однозначности и многозначности установлено, что подавляющее большинство терминов дипломатии являются однозначными. Это связано с жесткими требованиями научной терминологии к строгости и точности значений. Многозначные случаи обычно обусловлены либо сложностью исторической номинации, либо вторичными лексико-семантическими расширениями в процессе функционирования термина. Оба языка демонстрируют устойчивую тенденцию к однозначности, и лишь немногие единицы имеют вариантные значения в зависимости от контекста. При этом показатели полисемии в узбекском языке ниже — возможно, это связано с более поздним этапом терминологической кодификации и стремлением к закреплению за заимствованными концептами одного строго фиксированного денотативного значения.
2. В аспекте семантической мотивированности выявлено, что подавляющее большинство терминов дипломатии демонстрируют мотивированную форму. Это естественно: сложные термины в обеих системах строятся из семантически прозрачных единиц (корней, суффиксов, основ). Немотивированные единицы представлены в основном узкоспециальными заимствованиями, зарубежными аббревиатурами и терминами-кальками. Их доля относительно невелика (32,7% в русском языке), что согласуется с тем, что основной массив профессиональной лексики формируется на базе национальных словообразовательных моделей. Узбекский корпус имеет на 1,8% больше немотивированных единиц, так как интенсивное заимствование интернациональной лексики (латинизмов) в период независимости происходило без их глубокой морфологической адаптации, что превратило их в «чистые» знаки для носителей языка.
3. Анализ синонимических отношений показал, что в дипломатической сфере синонимия чаще всего выступает в форме абсолютной эквивалентности или дублетности. Существование синонимических рядов в обоих языках обусловлено параллельным функционированием полных и кратких форм (аббревиации), а также конкуренцией между заимствованным интернационализмом и национальным эквивалентом. Наличие

таких дублетов свидетельствует о продолжающемся процессе «естественного отбора» наиболее оптимальных номинаций внутри терминосистем.

4. Что касается антонимии и омонимии, то в русском и узбекском корпусах выявлены несколько десятков терминов-антонимов. Их доля невелика, что соответствует терминологической норме, где антонимия (в некоторых трактовках) рассматривается как изъян системы, препятствующий однозначности. Тем не менее, антонимия остается важным средством бинарной классификации правовых понятий, но в целом лексика дипломатии стремится к минимизации паронимии и неконтролируемой многозначности. Междисциплинарная омонимия фиксируется как редкое явление, возникающее при случайном формальном совпадении специального термина с единицами общелитературного языка или иных областей знания.

5. Тематическое распределение терминов по различным группам позволило установить концептуальные приоритеты дипломатического дискурса. Наиболее насыщенными оказались группы «Международно-правовой фундамент» и «Институциональная сфера», что подтверждает их статус ядра терминосистемы. Выявленная лексическая дифференциация (например, разделение понятий «статус» и «здание» в узбекском языке при их единстве в русском) доказывает, что системная организация лексики в узбекском языке тяготеет к большей денотативной конкретизации, тогда как русская терминология сохраняет определенную семантическую универсальность форм.

Таким образом, проведенное комплексное исследование 388 лексических единиц в сопоставительном аспекте позволило выявить глубокие закономерности семантической организации дипломатического лексикона русского и узбекского языков. На основе анализа моносемии, мотивированности, системных связей и тематического распределения можно утверждать, что семантика дипломатического термина формируется на пересечении нескольких факторов: международного права, политической практики, исторического опыта, а также лингвокультурных традиций.

В ходе работы было доказано, что в отличие от общезыковой лексики, термин в сфере дипломатии обладает высокой степенью нормативности и институциональной закреплённости. Его значение, как правило, кодифицировано в международных договорах, конвенциях, уставах организаций и иных официальных документах, что обуславливает преобладание моносемии в обеих исследуемых системах. Вместе с тем в процессе функционирования в национальных языках термин может приобретать дополнительные оттенки значения, стилистические особенности или вариативность формы, что требует специального анализа. Ярким примером этого в работе послужила выявленная лексическая специализация в узбекском языке, где полисемичные русские термины расщепляются на конкретные лексемы для обозначения статуса, действия или материального объекта.

Установлено, что семантический анализ в сопоставительном аспекте также тесно связан с проблематикой перевода. В условиях активного международного сотрудничества и динамичного развития двусторонних отношений между государствами точность перевода дипломатических документов имеет первостепенное значение. Проведенное исследование эквивалентности терминов позволяет определить, какие единицы

обладают полной семантической корреляцией, а какие требуют уточнения или дополнительного толкования при межъязыковом переносе. Тем самым работа имеет не только теоретическую, но и прикладную ценность.

В конечном итоге, результаты семантического анализа позволят не только углубить понимание устройства дипломатического языка в русском и узбекском лингвокультурном пространстве, но и внести вклад в разработку теоретических основ терминоведения, межкультурной коммуникации и перевода в сфере международных отношений. Научная новизна полученных данных заключается в выявлении степени структурно-семантического параллелизма и лингвистической специфики двух разноструктурных языков в сфере дипломатии. Полученные данные могут быть использованы при составлении двуязычных словарей дипломатической лексики, разработке учебных курсов по языку международных отношений, а также в практической деятельности переводчиков и специалистов внешнеполитических ведомств, обеспечивая тем самым эффективность межгосударственной коммуникации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Литература:

1. Авербух К.Я. Общая теория термина. М.: Издательство МГОУ, 2006 – 252 с.
2. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. – М.: Высш. шк., 1987. – 104 с.
3. Гринев-Гриневиц. Терминоведение. Учеб. Пособие для студ. Высш. Учеб. Заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2008 – 304 с.
4. Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977. – 248 с.
5. Канделаки Т.Л. Семантика и мотивированность термина. – М.: Наука. 1977. – 168 с.
6. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.
7. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука – 1982. – 149 с.
8. Реформатский А.А. Введение в языковедение/Под ред. В.А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс. 1996. – 274 с.
9. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории / Отв. ред. Т.Л. Канделаки. Изд. 6-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 248 с.

Словари:

1. Ахманова, Ольга Сергеевна. Словарь лингвистических терминов: [лингвостилистика, синтаксис, морфология, фонеморфология, фонетика, лексикология: около 7000 терминов] / О. С. Ахманова. – Изд. 5-е – Москва: Либроком, URSS, 2009. – 569, [2] с.: 22 см.; ISBN 978-5-397-00901-0 (в пер.).
2. Борисов А.Б. Большой юридический словарь. – М.: Книжный мир, 2010. – 848 с.

3. Дипломатический словарь. В 3 т. / Гл. ред. А. А. Громыко и др. – М.: Политиздат, 1971–1973. – Т. 1: А-И. – 1971. – 612 с.; Т. 2: К-П. – 1971. – 592 с.; Т. 3: Р-Я. – 1973. – 719 с.
4. Дипломатический словарь для студентов / Авт. кол.; под рук. А.В. Яковенко, д-ра юрид. наук, профессора М.: Издательство Дипломатической академии МИД России, 2022. 298 с.
5. Мустафин А.А. Политология: словарь современных терминов и выражений / А.А. Мустафин – Ангарск: Изд-во: АГТА, 2012 – 168 с.
6. Shamsimuxamedov I. Diplomatiik terminlar izohli lug‘ati. – Toshkent: Donishmand ziyosi, 2021. – 224 b.

Научные статьи:

1. Ошурмахмадова С.Ш. (2019). Особенности лексики дипломатического делопроизводства. Мир науки, культуры, образования, (1 (74)), 475-477.
2. Саидов Халимджон Азизович (2012). Дипломатическая терминология и её особенности в разносистемных языках. Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук, (3), 216-223.
3. Саидов Халимджон Азизович. Дипломатическая терминология в таджикском и английском языках: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Саидов Х. А.; Место защиты: Рос.-тадж. славян. ун-т. – Душанбе, 2013. – 366 с.
4. Усманова Светлана Негматовна, & Хамраева Дилором Аззамовна (2023). СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИИ ОМОНИМОВ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ. Филология и человек, (2), 153-162.
5. Хандобин А. Е., & Егорова О. В. (2024). ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОСМЫСЛЕНИЮ ТЕРМИНА. Язык как структура и дискурсивная практика, (4 (7)), 37-44. doi: 10.38161/2949-4877-2024-4-37-44.
6. Широколобова Анастасия Георгиевна (2013). Терминологическая синонимия на примере русских и английских терминов дамбостроения. Вопросы когнитивной лингвистики, (3 (36)), 127-131.
7. Шкилев Р.Е. Мотивированность и внутренняя форма термина (на примере юридической терминологии). Сборник научных трудов «Иностранные языки в современном мире». Казань, 2020, 153-157.

Электронные ресурсы:

1. Новый дипломатический словарь: электронный ресурс. – <https://dipslo.ru/>
2. <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>
3. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/diprel.pdf
4. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/consular.pdf
5. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/sp_missions.shtml
6. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/state_relations.pdf